

И. В. Добужинский. — «Мысль из дорожек»
(Третьяковская галерея)

СТОЛИЦА И УСАДЬБА

FIAT

РУССКОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО АВТОМОБИЛЕЙ ФИАТЪ.

Центральные отделения: Москва, Петроград, Харьков, Киев, Одесса, Николаев, Вильно, Рига, Гомель, Минск, Казань, Саратов, Астрахань, Симферополь, Севастополь, Владивосток, Хабаровск, Иркутск, Владивосток, Владивосток, Владивосток.

ЕДИНСТВЕННАЯ ВЪ РОССІИ
ФАБРИКА ВОЛОСЯНЫХЪ ИЗДѢЛІЙ И ДАМСКАЯ ПАРИКМАХЕРСКАЯ
П. Д. ГОРБАТОВА.

ФИРМА
„ПОЛЬ“.

Петроградъ, Пантелеймоновская ул., 10.

Телефоны: 47-19, 65-47.

Аванъ-Салонъ передъ кабинетами для краски волосъ.

Всѣ новинки Парижа и Лондона, послѣднія créations парикмахерскаго искусства, одновременно появляются и въ салонѣ „ПОЛЬ“. Это давно оцѣнено нашими кліентами.

Наша фабрика волосяныхъ издѣлій не только величайшая въ Россіи, но и одна изъ самыхъ большихъ въ Европѣ. Большіе запасы матеріаловъ, сдѣланные еще до войны, даютъ намъ возможность не увеличивать цѣны и теперь, когда вездѣ — изъ-за трудностей сообщенія съ заграницей — онѣ значительно повышены.

Все, что выходитъ изъ нашей фабрики, носитъ отпечатокъ изящнаго вкуса и дѣйствительнаго знанія дѣла.

Прейсъ-куранты послѣднихъ модныхъ postiches и другихъ издѣлій высылаются по полученіи 4-хъ 10-ти коп. марокъ.

**АВТО
ШИНЫ
ЕЛКА
ТРЕУГОЛЬНИКЪ**

**ЕКАТЕРИНИНСКІЙ КАН. 34, ТЕЛ. 483-50
ПЕТРОГРАДЪ**

СТОЛИЦА И УСАДЬБА

№ 33.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ВТОРОЙ.

1 МАЯ 1915 года.
ПЕТРОГРАДЪ.

Мурановскій домъ со стороны сада. Посреди—три окна нижней большой гостиной, идущей поперекъ всего дома.

Собств. фотогр. „Ст. и Ус.“.

Перепечатка безъ указанія источника воспрещается; перепечатка портретовъ и группъ вообще воспрещается. Законъ 20 марта 1911 года.

СЕЛЦО МУРАНОВО.

(Усадьба, выстроенная поэтомъ Боратынскимъ, нынѣ принадлежащая племянницѣ его—О. Н. Тютчевой).

За послѣднія три четверти или полвѣка образованіе расширилось, расплылось въ массѣ, но мало углубилось.

Неспѣшная и обеспеченная усадебная жизнь съ ея досугомъ, съ возможностью путешествовать, тщательное домашнее образованіе, изученіе многихъ языковъ, обширное чтеніе: все это образовывало въ людяхъ глубокую разностороннюю культуру.

Пушкинъ, Лермонтовъ, Тургеневъ, Писемскій, Алексѣй и Левъ Толстые: все это были птенцы рус-

скихъ усадебъ, изъ которыхъ они внесли въ литературу что-то неуловимо нѣжное, дѣвственно чистое, чарующе мечтательное, что-то бесконечно благородное и святое.

Для того, кто живетъ душевными волненіями, кто вынашиваетъ въ душѣ рождающіеся въ ней образы, Богъ знаетъ откуда въ ней возникающіе и невѣдомо какъ въ ней вызрѣвающіе: для такого человѣка нѣтъ лучшей обстановки, какъ уютная усадьба, съ ея старыми преданіями, темными аллеями, окрестными по-

лями и перелѣсками, съ печатью той непосредственной жизни, которую дышитъ природа и отъ которой такъ далека призрачная и болѣзненная жизнь городовъ.

Старыя просторныя комнаты, въ которыхъ уютъ и комфортъ копились поколѣніями, со старыми вещами, изъ которыхъ всякая имѣетъ свою жизнь и свою физиономію, объемистые библиотечные шкафы, въ которыхъ скоплена мудрость поколѣній; старые слуги, ставшіе членами семьи, старые семейные портреты, словно переплетшіеся съ новою жизнью крѣпкими нитями старой былой жизни; багряный закатъ, торжествующій праздникъ весны, золотая осень и первая пороша и зимнія выюги: Боже, что можетъ быть лучше для жизни созерцательной, творческой!

Какъ углубляются тутъ вдали отъ внѣшняго шума чувства, какъ высоко и смѣло взлетаетъ мысль, какъ выношено и зрѣло все то, что тутъ родится!

Вспомнимъ, что русская усадьба видѣла рожденіе лучшихъ Пушкинскихъ произведеній...

И сколько такихъ усадебъ опустѣло, замерло, истреблено! И тѣмъ дороже тѣ немногіе уголки, въ которыхъ нашло себѣ приютъ какое нибудь свѣтлое дарованіе и которые доселѣ остались въ такомъ видѣ, какими видѣли ихъ давно угасшіе взоры поэта.

* *

Сельцо Мураново, Дмитровскаго уѣзда, Московской губерніи, расположено верстахъ въ пятнадцати отъ извѣстнаго Хотьковскаго монастыря, гдѣ похоронены родители преподобнаго Сергія Радонежскаго, верстахъ въ двадцати пяти отъ Троице-Сергіевой лавры и въ пяти отъ села Софрина (при станціи того же имени), принадлежавшаго нѣкогда знаменитой царь-дѣвицѣ, царевнѣ Софіи-правительницѣ.

Старинная церковь—единственный остатокъ Софрина, этого царственнаго помѣстья, въ которомъ послѣдней помѣщицей была графиня Ягужинская.

Послѣдняя представительница не долгаго рода, возникшаго при Петрѣ Великомъ, въ высшей степени добрая женщина, графиня Ягужинская отказала своимъ крестьянамъ всю обширную землю съ лѣсами. Но все это богатство не пошло въ прокъ крестьянамъ Софрина, такъ какъ на выручаемыя отъ продажи лѣса деньги ничего путнаго не сдѣлалось...

Сельцо Мураново было куплено въ 1811 году генераль-маіоромъ Львомъ Николаевичемъ Энгельгардтомъ у князя Оболенскаго.

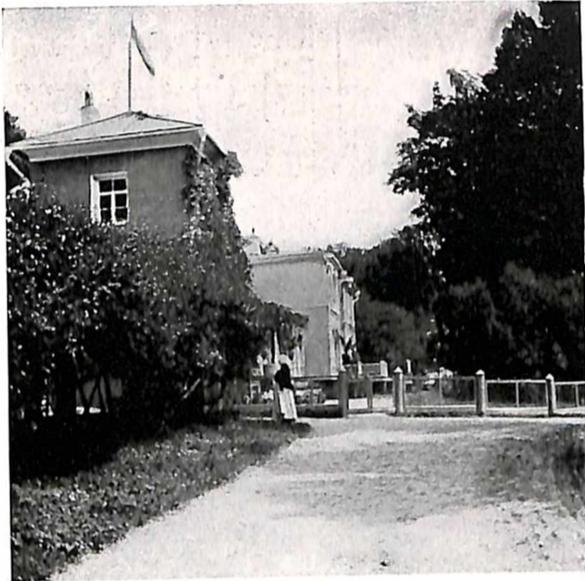
Послѣ смерти Льва Николаевича въ тридцатыхъ годахъ, бывшая въ сельцѣ Мурановѣ домовая церковь была упразднена, а вскорѣ затѣмъ былъ снесенъ старый деревянный домъ. На мѣстѣ его зять Энгельгардта, поэтъ Боратынскій, построилъ доселѣ существующій просторный кирпичный домъ, комнатъ въ двадцать.

У Льва Николаевича Энгельгардта было двѣ дочери — Настасья Львовна Боратынская и Софія Львовна Путята.

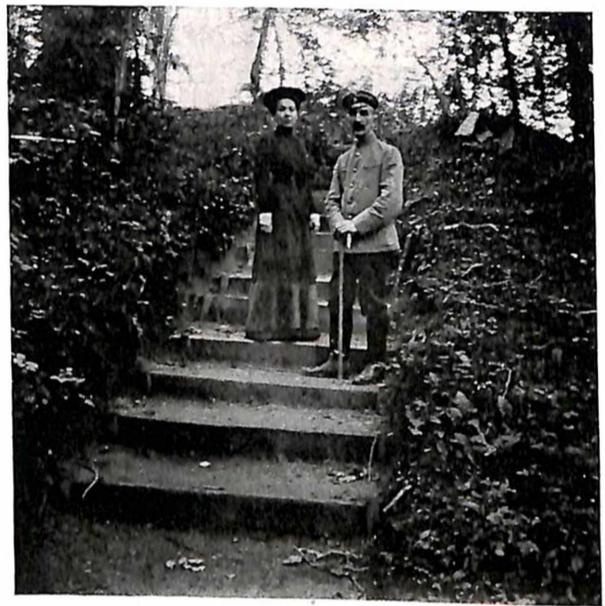
Путята, образованный человекъ, любитель литературы, былъ адъютантомъ при финляндскомъ генераль-губернаторѣ Закревскомъ, когда Боратынскій служилъ рядовымъ въ пѣхотномъ полку, стоявшемъ въ Финляндіи. Путята отнесся чрезвычайно тепло къ опальному поэту, очень облегчилъ его участь и способствовалъ чрезъ Закревскаго его производству въ офицеры. Они остались на всю жизнь дружны и породнились, женившись на двухъ сестрахъ.

Сперва Мурановымъ владѣла Боратынская. (У самихъ Боратынскихъ были большія имѣнія въ другихъ губерніяхъ).

Устроивъ Мураново, Евг. Абр. Боратынскій думалъ жить тутъ круглый годъ. Но онъ внезапно умеръ въ Неаполѣ, и затѣмъ при дѣлѣжѣ наслѣдства Л. Н. Энгельгардта Мураново окончательно досталось Соф. Льв.

Цвѣтникъ и боковая башня.

Въ мурановскомъ паркѣ. Дѣти владѣльцы
Ф. И. и Е. И. Тютчевы.

Путята. Единственная ея дочь Ольга Николаевна вышла за сына поэта Фед. Ив. Тютчева, Ивана Фед.

Въ этой семьѣ рѣдкое явленіе представляетъ родство между собою поэтовъ. Сынъ поэта Тютчева женится на племянницѣ поэта Боратынскаго. Родная сестра поэта Тютчева, Дарья Ивановна, была замужемъ за Сушковымъ, племянница котораго, Евдокія Петровна, въ замужествѣ графиня Ростопчина, была одной изъ извѣстнѣйшихъ русскихъ поэтессъ. Затѣмъ дочь поэта Фед. Ив. Тютчева, Анна Фед., была замужемъ за публицистомъ и поэтомъ Иван. Серг. Аксаковымъ.

Однажды въ Москвѣ въ 90-хъ годахъ на какомъ то благотворительномъ представленіи въ Большомъ театрѣ можно было въ одной ложѣ видѣть вмѣстѣ внучекъ Александра Сергѣевича Пушкина, внуковъ и внучекъ поэтовъ Боратынскаго и Тютчева, и внуковъ графини Ростопчиной.

Поэту Тютчеву принадлежало обширное имѣніе съ громаднымъ барскимъ домомъ, село Овстугъ Брянскаго уѣзда—родина поэта. Тамъ раньше кипѣла ключомъ богатая помѣщичья жизнь. Самъ поэтъ не любилъ деревню и нехотя наѣзжалъ въ старый Овстугъ. Потомъ усадьба стала совсѣмъ уже необитаема, такъ какъ сынъ поэта жилъ всегда въ Мурановѣ, въ которомъ съ семьей провелъ подрядъ даже цѣлый десятокъ зимъ.

Мураново принадлежитъ къ числу уютныхъ Подмосковныхъ, запечатлѣнныхъ какой-то особой пре-

лестью и мирностью срединной Россіи. Эта тихая помѣщицья удобная усадьба во всѣхъ мелочахъ проникнута безусловнымъ вкусомъ. Объ этой тихой прелести Муранова прекрасно говорятъ строки Бора-тынскаго, посвященные этому имѣнію:

Есть милая страна, есть уголь на землѣ,
Куда, гдѣ-бъ ни были: средь буйственнаго стана,
Въ садахъ Арминдннхъ, на быстромъ кораблѣ,
Браздящемъ весело равнины океана,
Всегда уносимся мы думою своею;
Гдѣ, чужды низменныхъ страстей,
Житейскимъ подвигамъ предѣль мы назначаемъ,
Гдѣ мѣръ надѣмся забыть когда нибудь
И вѣжды старья сомкнуть
Послѣднимъ, вѣчнымъ сномъ желаемъ.

.....
.....
.....

Я помню ясный, чистый прудъ:
Подъ сѣнію березъ вѣтвистыхъ
Средь водъ его три острова цвѣтутъ,
Свѣтлѣя нивами межъ рощъ своихъ волнистыхъ.
За нимъ встаетъ гора, предъ нимъ въ кустахъ шумить
И брызжетъ мельница. Деревья, лугъ широкой,
А тамъ счастливый домъ... Туда душа летитъ,
Тамъ не хладѣлъ бы я и въ старости глубокой.
Тамъ сердце томное, большое обрѣло
Отвѣтъ на все, что въ немъ горѣло,
И снова для любви, для дружбы расцвѣло
И счастье вновь уразумѣло.

* * *

Часть большой гостиной.

Въ настоящее время въ Мураново путь лежитъ черезъ Ашукинскую платформу Сѣверн. жел. дорогъ.

По довольно скверному и особенно тяжелому въ распутицу путивы приближаетесь къ усадьбѣ. Недалеко отъ мѣста, гдѣ начинается деревня Мураново, слѣва будетъ густой лѣсокъ, который обладаетъ колдовскимъ свойствомъ: попадающій въ него человекъ кружить цѣлый часъ и больше и не можетъ выйти изъ него, несмотря на то, что деревня находится въ нѣсколькихъ десяткахъ—сотнѣ саженой, и слышишь ея голоса.

Кирпичный домъ, строенный по плану поэта, производитъ оригинальное впечатлѣніе, напоминая собою отчасти англійскіе замки.

Интересна большая гостиная, идущая по ширинѣ всего дома, перегороденная арками на три части. Въ ней много старыхъ семейныхъ портретовъ. Среди нихъ есть одноглазой красавицы госпожи Наврозовой,

Акварель—комната минскаго губернаторскаго дома въ 30-хъ годахъ, въ бытность губернаторомъ писателя Н. В. Сушкова, женатаго на Д. И. Тютчевой.

рожденной Энгельгардтъ. Авторъ „Семейной хроники“ и „Записокъ Багрова внука“ С. Т. Аксаковъ написалъ этому уединенному глазу похвальное стихотвореніе.

Хотя одинъ, но несравненный:
Такая участь вамъ дана—
И одно солнце во вселенной,
И въ небесахъ одна луна.

Эта одноглазая красавица, дѣйствительно, очень вальяжна и очень мила...

Хороши также портреты родственниковъ мурановскихъ владѣльцевъ — александровскихъ вельможъ графа Вязмитинова и графа Остерманъ-Толстого.

Кабинетъ хозяина съ еще другими интересными многочисленными семейными портретами,

Лѣстница во второй этажъ.

изъ которыхъ выдѣляется портретъ поэта Тютчева семилѣтнимъ мальчикомъ въ смѣшномъ дѣтскомъ костюмчикѣ того времени.

Вотъ портретъ бывшего по женѣ въ родствѣ съ поэтомъ Тютчевымъ и крестившаго у него сына, графа М. Н. Муравьева (Виленскаго), съ собственноручно подписаннымъ поэтомъ его четверостишіемъ на смерть Муравьева:

На гробовой его покровъ
Мы, вмѣсто всѣхъ вѣнковъ, кладемъ слова
простыя:
Не много бѣ было у него враговъ,
Когда бы не твой, Россія!

Въ кабинетѣ втораго сына мурановской помѣщицы, Н. И. Тютчева, находящемся въ нижнемъ этажѣ, большое количество цѣнной бронзы, фарфора, семейныхъ миниатюръ и, между прочимъ, помѣщаемая здѣсь старая наивная акварель, представляющая комнату губернаторскаго дома въ Минскѣ въ концѣ 30-хъ годовъ. Въ это время тамъ проживали губернаторъ Н. В. Сушковъ и его жена, Дарья Ивановна, сестра поэта Тютчева.

Превосходное и многочисленное художественное собраніе Н. И. Тютчева въ Москвѣ заслуживаетъ особаго вниманія и отдѣльнаго описанія.

Оригинальна уютная столовая съ колонками, маскирующими двери буфета, и бывшая дѣтская классная съ дверями на террасу, и самая терраса, утопающая лѣтомъ въ цвѣтахъ. Такъ какъ хозяйка очень любитъ растенія, то садовая часть въ Мурановѣ стоитъ высоко.

Какъ уютенъ верхъ со своимъ громаднымъ фонаремъ—горизонтальнымъ окномъ въ крышѣ! Среди милой мебели краснаго дерева встрѣчается столько интересныхъ вещей.

Вотъ комната старшаго сына Мурановской хозяйки. Въ ней та конторка, за которой писалъ свои статьи Аксаковъ, и подаренная Аксакову Скобелевымъ, за нѣсколько дней до его внезапной смерти, большая фотографія съ подписью.

Тутъ же образъ, подаренный поэту Тютчеву дядькой его Хлоповымъ, который въ первые годы его долгой жизни въ Мюнхенѣ по дипломатической службѣ находился

Левъ Николаевичъ Энгельгардтъ, съ акварельнаго портрета неизвѣстнаго художника.

при баринѣ, какъ голосъ родины. Съ другой стороны образа отмѣчены всѣ важнѣйшія событія въ жизни поэта.

За цвѣтникомъ съ одной стороны пролегаетъ проѣзжая дорога въ усадьбу. За нею большой широкій лугъ, сбоку котораго стоитъ сельская школа, помѣщаемая въ домѣ помѣщицы. А далѣе воспѣтый Боратынскимъ прудъ съ островами и мельницей.

Съ другой стороны домъ смотритъ на другой обширный цвѣтникъ. Въ сторонѣ домика-особнякъ комнатъ въ семь, прелестно меблированный, куда всякое лѣто пріѣзжала вдова поэта, Эрнестина Фед. Тютчева, бывшая вдова графа Дорнбергъ, рожденная баронесса де-Пфедфель, баварка, прелестная, нарядная, аристократическая старушка.

За цвѣтникомъ съ теплицами, небольшая домовая церковь, у которой свѣжая могила безвременно скончавшагося нѣсколько лѣтъ назадъ въ Петербургѣ Ивана Фед. Тютчева.

За церковью начинается густой, немного темный паркъ, въ которомъ какъ-то мистически жутко, словно въ немъ живутъ какіе то духи. Съ другой стороны, мимо скотнаго двора и крытыхъ дерномъ крышъ ледниковъ, вы проѣзжаете къ колодцу со студеной водой, который питаетъ усадьбу, а тамъ лѣса помѣщицы, сливающиеся съ удѣльными лѣсами...

* * *

Роща въ Мурановѣ насажена Боратынскимъ, и тогда тутъ вылились слѣдующія его строки:

..... несеть рука
моя
Зародыши дубовъ, елей и сосенъ.
Пусть вѣрую, простясь я съ лирою
моей,
Что нѣкогда ее замѣнятъ эти
Поэзии таинственныхъ скорбей
Могучія и сумрачныя дѣти.

Значеніе Муранова въ жизни Боратынскаго вполне опредѣляется словами его же стихотворенія, посвященнаго Муранову:

Тамъ сердце томное, больное
обрѣло
Отвѣтъ на все, что въ немъ горѣло,
И снова для любви, для дружбы
расцвѣло
И счастье вновь уразумѣло.

Поэтъ Евгенийъ Абрамовичъ Боратынскій, съ портрета приписываемаго К. Брюллову.

Анастасія Львовна Боратынская, рожд. Энгельгардтъ, съ акварельнаго портрета неизвѣстнаго автора.

Уголь гостиной съ семейными портретами—въ углу портретъ „одноглазой красавицы“.

И, конечно, этими словами онъ расширительно опредѣлялъ значеніе для него всей семьи Энгельгардтъ, въ которой онъ нашель свою судьбу.

Зиму 1841 года, когда строился въ Мурановѣ домъ, Боратынскіе провели въ трехъ верстахъ отъ Муранова, въ сельцѣ Артёмовѣ. И вотъ что писалъ оттуда Боратынскій:

„Подмосковная зимой—убѣжище мира болѣе глубокаго и болѣе полной тишины, чѣмъ деревни внутренней Россіи. Нашъ домъ сейчасъ имѣетъ видъ маленькаго университета. У насъ пять иностранцевъ, между которыми случай доставилъ намъ и прекраснаго преподавателя рисованія. Наша жизнь мало разорительна, и выгоды, которыя мы надѣемся извлечь изъ эксплуатаціи лѣса, позволятъ намъ сдѣлать многое для образованія дѣтей. Въ ожиданіи же, они и ихъ учителя оживляютъ наше одиночество“.

Для Боратынскаго тихая прелесть Муранова должна была сливаться со свѣтившимъ ему до конца его дней обаяніемъ его жены, Настасьи Львовны.

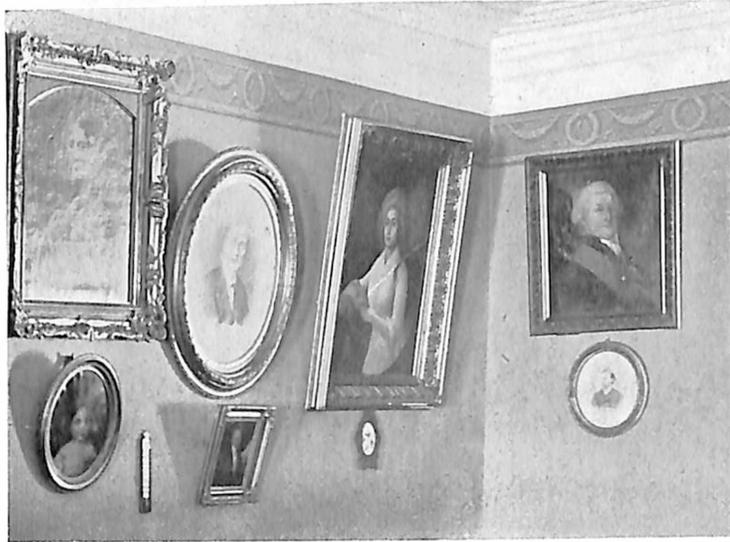
Я часто въ Мурановѣ вглядывался въ ея портреты. Безъ красоты, отъ этого лица вѣетъ какой-то высокой прелестью, какой-то умиряющею тайною кроткой, но сильной женственности.

Боратынскій былъ человекъ съ раненой душой. На его природную меланхолю палъ еще глупый проступокъ, совершенный имъ въ отрочествѣ во время ученія въ Пажескомъ корпусѣ и лишившій его той карьеры, которую ему пророчили его способности и родственныя связи.

Женщина исключительнаго ума и тонкой духовности, Настасья Львовна дала полное счастье и успокоила мятежный духъ поэта. И то, чѣмъ она была для него, Боратынскій выразилъ въ одномъ изъ своихъ предсмертныхъ стихотвореній.

Когда, дитя и страсти и сомнѣнья,
Поэтъ взглянулъ глубоко на тебя,—
Рѣшилась ты дѣлать его волненья,
Въ немъ таинство печали полюбя.
Ты, смѣлая и кроткая, со мною
Въ мой дикій адъ сошла рука съ
рукою,—
Рай зрѣла въ немъ чудесная любовь.
О, сколько разъ къ тебѣ, святой и
нѣжной,
Я принималъ главой моею мятежной,
Съ тобой себѣ и небу вѣря вновь.

Угловая комната. На стѣнѣ пастель, изображающая семью Энгельгардтъ. Двѣ младшія дѣвочки—Путята и Боратынская. На столѣ бюстъ поэта Боратынскаго.

Кабинетъ Н. И. Тютчева.

Настасья Львовна Боратынская принадлежит къ числу тѣхъ немногихъ женщинъ, которыя не мѣшали, а помогали поэтической натурѣ мужчины въ его жизни и его творествѣ.

Много литературныхъ сокровищъ хранится въ мурановскихъ ящикахъ. Тутъ большая часть оригиналовъ стиховъ Боратынскаго, громадная переписка Тютчева—письма его къ женѣ, письма Аксакова, письма любимой дочери поэта отъ второго брака, рано умершей Маріи Фед., бывшей

въ замужествѣ за героемъ Севастопольской войны, морякомъ флигель-адъютантомъ Бирилевымъ.

Это усадьба того типа, какой описанъ въ „Дѣтствѣ и Отрочествѣ“ Толстого, далекая отъ размѣровъ и великолѣпія дворца, но снабженная всѣмъ, что нужно для человека, привыкшаго къ культурному образу жизни и къ комфорту.

Но главное въ Мурановѣ это тѣ воспоминанія, которыя связаны съ лицами, имѣвшими къ нему отношеніе, это печать мысли и чувства.

Ерѣе.

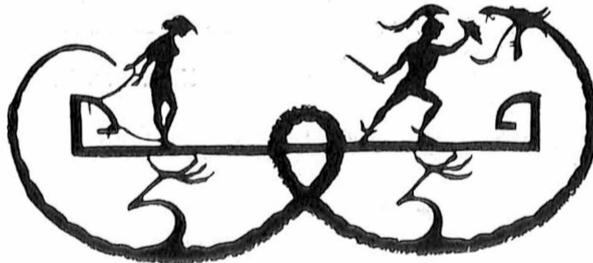

Ръзанный изъ бумаги силуэтъ—„Евгеній Онѣгинъ“, В. Гельмерсена.

Мы сошлись на свиданье случайно
Въ садъ, объятый вечернею тайной.
На скамейкѣ подъ яблонью старой
Мы сидѣли смущенною парой.
Ароматы струили съ куртины
Резеда и левкой и жасмины;
Опьяняя, какъ томныя грезы,
Распускалися алыя розы,
И укропа духъ пряный и сладкій
Донесли огородныя грядки.
Съ любопытствомъ лукаво и смѣло
Сквозь деревья луна къ намъ смотрѣла.
Мы, глаза опустивши, молчали,
Но сердца наши громко стучали.
Словно тщетнымъ томясь ожиданьемъ,
Они сами спѣшили признаньемъ;
Словно высказать сами пытались,
Чего мы имъ открыть не рѣшались.

Ночь пришла, но земля не заснула.
Отъ пруда вѣтеркомъ потянуло.
Заливались въ немъ хоромъ лягушки,
Имъ кузничикъ отвѣтилъ съ опушки,
И назойливый рой комариный
Взвился маршемъ побѣднымъ надъ тиной.
За деревьями домъ двухъ-этажный
Наблюдалъ насъ серьезный и важный.
А надъ нами, срываяся съ крыши,
Проносились летучія мыши.
Но, внимая концерту природы,
Не давали сердцамъ мы свободы
И, пылая нѣмыми устами,
Не могли мы мѣняться словами.
Только взоръ твой глубокий и чистый
Отуманился влагой лучистой.
Какъ алмазы, въ немъ слезы блистали,
Слезы первой любви и печали...

М. Мазаевъ.

„Персей и Андромеда“.
Силуэтъ изъ бумаги
В. Гельмерсена.

ВО ЛЬВОВѢ.

(Изъ записной книжки).

... Соответствующею нашему Невскому является улица Эрцгерцога Людвигъ Карла, съ ранняго утра она полна пестрою и оживленною толпою: наши офицеры и солдаты, сестры милосердія, русскія и польскія, австрійскіе военные врачи и санитары, мѣстные щеголи, русины въ своихъ національныхъ костюмахъ, дамы и дѣвицы, однотипныя съ нашими варшавянками, наши и униатскіе священники, ксендзы, русскіе купцы, монахи и монахини различныхъ орденовъ, мальчишки, неистово выкрикивающіе названія русскихъ и польскихъ газетъ, евреи съ пейсами и безъ оныхъ, наши чиновники, понаѣхавшіе на гражданскія мѣста въ Галиціи, городская милиція, наши городовые, нищія съ шарманками, восточные челоуѣки—все это давало въ суммѣ калейдоскопическое впечатлѣніе. Со всѣхъ сторонъ звучать гудки, и проносятся автомобили военные и Краснаго Креста. Въ эти хаотическіе звуки время отъ времени влетаетъ мелодичный перезвонъ костельныхъ колоколовъ.

Многіе магазины щеголяютъ красивыми витринами; цѣны на товары подняты въ два и три раза. Въ цукерняхъ по вечерамъ играетъ музыка, и онѣ полны военной и штатской публикой; не мало и дамъ, тщательно слѣдящихъ за модой. Работаютъ театры и кинематографы. Трудно повѣрить, глядя со стороны, что такъ близко отъ Львова разыгрывается небывалая въ исторіи міровая борьба.

Передъ отъездомъ на передовыя позиціи я побывалъ въ госпиталѣхъ и началъ съ санаторіа графини Потоцкой. Онъ оказался устроеннымъ по послѣднему слову науки и комфорта. Особенно выдѣлялась операционная, со свѣтомъ сверху и сбоку черезъ зеркальное во всю стѣну окно.

Сестры милосердія здѣсь—польки изъ лучшаго общества; онѣ съ трогательною заботливостью относятся къ нашимъ раненымъ. Когда я сидѣлъ у стараго знакомаго, тяжело раненаго генерала, вошла сестра и принялась усердно подметать комнату; насъ позна-

комили. Она, не отрываясь отъ работы, весело сказала нѣсколько любезныхъ фразъ и, окончивъ дѣло, вышла.

— Это графиня Дрогоевская,—обратился ко мнѣ генераль—она вслѣдствіе войны потеряла все свое состояніе, въ 12 милліоновъ гульденовъ...

Съ меньшимъ, но все же достаточнымъ комфортомъ устроены госпитали для солдатъ въ университетскихъ клиникахъ. Прекрасно также обставленъ госпиталь въ „Sagè Coeur“, обслуживаемый монахинями. Среди нихъ оказалась дочь нашего сенатора Клингенберга, уже одиннадцать лѣтъ надѣвшая монашескій клобукъ и, несмотря на красоту и положеніе, навсегда отказавшаяся отъ всѣхъ радостей жизни.

Изъ Львова я выѣхалъ на Раву Русскую, Белжець, Томашевъ, и далѣе на Варшаву, по слѣдамъ недавнихъ боевъ. За Жолкѣвомъ, когда то резиденціей гетмана Жолкѣвскаго, а позднѣе и Яна Собѣскаго, начались сожженные деревни, отъ которыхъ торчали однѣ трубы, разрушенные австріяками и наскоро возобновленные мосты, громадные воронки на поляхъ отъ взрывовъ тяжелыхъ снарядовъ, ряды покинутыхъ траншей, въ разныхъ направленихъ извивавшихся на пахоти, обгорѣлыя станціи желѣзной дороги, про-

ложенной параллельно шоссе, сломанные зарядные ящики, повозки, лазаретныя линейки, трупы палыхъ лошадей, надъ которыми вилось воронье—все это находило себѣ объясненіе въ одномъ короткомъ словѣ: война. Мнѣ особенно памятно одно имѣніе, въ которое я свернулъ съ дороги, чтобы ближе посмотреть на разгромъ. Большой каменный „палацъ“ зиялъ разбитыми зеркальными окнами, у подъѣзда валялась исковерканная, обитая старымъ гобеленомъ мебель.

Въ комнатахъ были разбиты всѣ зеркала, изрѣзаны портреты предковъ. Въ большой залѣ виднѣлись слѣды потухшаго костра, и почерѣли отъ дыма всѣ стѣны: очевидно, сюда стащили мебель, зажгли и ушли въ увѣренности, что сгоритъ весь домъ, но онъ случайно уцѣлѣлъ. Всюду полы были усеяны разорванными и затоптанными книгами, письмами, открытками. Я подыялъ одну изъ нихъ и прочелъ на адресѣ фамилію польскаго магната, друга убитаго наслѣдника австрійскаго престола; для него здѣсь устраивались грандіозныя охоты, на которыя съѣзжалась вся галліійская знать. Впечатленіе было тяжелое: жаль было такъ безжалостно растоптанной красивой жизни. Я прошелъ въ вѣковой паркъ: на зеркальной поверхности пруда плавали два черныхъ лебедя!..

Ю. Елецъ.

КОЛЛЕКЦІИ П. Л. ВАКСЕЛЯ.

У каждаго коллекціонера почти всегда есть какая-нибудь излюбленная специальность: у одного, напримѣръ,—стильные издѣлія изъ бирюзы XVIII и начала XIX вѣка (у М. П. Фабриціуса), у другого—рукописныя экземпляры книгъ съ помѣтками ихъ знаменитыхъ авторовъ и корректурныя къ нимъ листы вмѣстѣ съ печатными оттисками этихъ книгъ, вся полная исторія зарожденія извѣстнаго литературнаго произведенія (у американца мистера Юнга), у третьяго—автографы композиторовъ и ревнителіи музыки опредѣленной эпохи (у В. В. Безекирскаго).

Обширный музей П. Л. Вакселя интересенъ тѣмъ, что совмѣщаетъ въ себѣ разнообразіе предметовъ, и любой изъ нихъ представленъ въ рѣдкой полнотѣ для частной коллекціи.

Вотъ наглядная картина въ цифрахъ: рукописей, относящихся къ исторіи, литературѣ и искусствамъ, насчитывается около 3.500 номеровъ, рисунковъ до 1.000, фотографій, иллюстрирующихъ исторію искусства—40.000 листовъ.

Нѣкоторый общій обзоръ этихъ автографовъ былъ какъ-то сдѣланъ въ Парижѣ—Этьенномъ Шаравэ въ журналѣ „Revue des autographes“, и Фишеръ фонъ-Кёслерштаммомъ въ Вѣнѣ („Adressbuch für Autographensammler“), а музыкальную часть коллекціи, которую сталь составлять П. Л. Ваксель съ 1871 г. вмѣстѣ со своимъ другомъ (умершимъ теперь), Брашемъ, описалъ онъ самъ въ 1883 г. („Театр. и Музык. Вѣстникъ“).

Надо сказать, что все, относящееся къ Россіи, кромѣ, впрочемъ, музыки и живописи, составилъ мою слѣдующую статью, такъ какъ этотъ отдѣлъ переданъ П. Л. Вакселемъ своему продолжателю и ученику въ области коллекціонерства, Э. П. Юргенсону.

* * *

Среди коронованныхъ особъ и замѣчательныхъ дѣятелей встрѣчаются и Фридрихъ Великій, и Шарль Орлеанскій (1391—1465), и Карль V испанскій, Густавъ Адольфъ, Наполеонъ Бонапартъ со всѣми своими генералами, легендарный король португальскій Себастианъ (1557 г.), С. Баторій, Ньютонъ, Маколей, Дарвинъ, Гольдони, Боссюэтъ, Ренанъ, Мицкевичъ... Есть двѣ прекрасно сохранившіяся грамоты на пергаментѣ съ печатями въ футлярахъ: королевы шведской Христины и польскаго короля Михаила Вишневецкаго (1672 г.).

Особеннаго вниманія заслуживаетъ послѣднее письмо Маріи Стюартъ къ герцогу Гизу, отъ 24 ноября 1586 г., на французскомъ языкѣ, посланное изъ тюрьмы. Привожу главнѣйшія выдержки изъ него.

„Мой добрый кузень, самый дорогой для меня на свѣтѣ, прощайтесь съ вами—несправедливо приговоренная къ смерти, какой еще, слава Богу, никто не зналъ изъ нашего рода. Очевидно я не нужна на землѣ ни Господу, ни церкви. Надѣюсь, что мой конецъ докажетъ твердость моей вѣры, а скорость моей смерти послужитъ поддержкой католичеству на этомъ бѣдственномъ островѣ. Такъ какъ до сихъ поръ ни единый палачъ не осмѣливался проливать нашей крови,—не стыдитесь теперь, мой другъ: приговоръ, произнесенный еретиками и врагами церкви, не имѣетъ никакого зна-

ченія для меня, свободной королевы... Поручаю вамъ моихъ несчастныхъ служащихъ и уплату моихъ долговъ и прошу васъ ежедневно совершать поминаніе моей души, но не за свой счетъ, а на тѣ суммы, что вы исходатайствуете изъ казны; тогда-же наградите и моихъ бѣдныхъ слугъ, которымъ суждено сдѣлаться свидѣтелями моей послѣдней трагедіи. Вы получите отъ меня сувениръ, и онъ будетъ вамъ напоминать—молитесь о моей злополучной душѣ, оставленной безъ всякой поддержки и совѣта, кромѣ Божьяго, который даетъ мнѣ силы и смѣлость устоять противъ стаи воющихъ волковъ... Вѣрьте всему, что вамъ скажетъ одна особа, когда передастъ вамъ мое рубиновое кольцо. Моя совѣсть порукой въ томъ, что вамъ станетъ извѣстна вся правда. Очень прошу только сохранить въ тайнѣ этотъ разговоръ, такъ какъ иначе людская зависть можетъ повредить лицу, исполняющему мою волю... Пускай никогда не проливается кровь въ нашей семьѣ въ борьбѣ за вѣру! Что же касается меня, то я рада отдать ее и не намѣрена вовсе отречься отъ Христа, Распятаго за насъ... Для того, чтобы меня унижить, у меня отняли мой балдахинъ („mon day“), а затѣмъ явился тюремщикъ и предложилъ написать просьбу *ego* королевы. Вмѣсто моего герба, что былъ на балдахинѣ, я указала на крестъ моего Спасителя. Съ этихъ поръ они начали относиться ко мнѣ помягче“.

Вотъ молитва въ стихахъ, „гимнъ роялистовъ“, принадлежащій перу Руже де Л'Иля, автора „Марсельезы“. При чтеніи невольно вспоминается наше „Боже, царя храни!“

„Dieu conserve le Roi, l'espoir de la patrie,
Son Elu, son recours, le rempart de sa loi!
Qu'il régne heureux longtemps sur la France attendrie;

Dieu conserve le Roi!

* * *

Qu'il régne heureux longtemps; que sa main paternelle
Chasse au loin la discorde, et le crime,
et l'effroi;
Qu'elle ouvre les trésors d'une paix éternelle;
Dieu conserve le Roi!

* * *

Quand le trône debout sur la base sacrée
Repose soutenu par le peuple et sa foi,
Que le Roi soit le noeud de l'union jurée;
Dieu conserve le Roi!“

Выдающийся португальскій политическій дѣятель, поэтъ, ученый и публицистъ, Теофиль Брага, тотъ самый, который въ 1910 г. сталъ во главѣ временнаго правительства въ Лиссабонѣ, въ письмѣ къ П. Л. Вакселю (въ 1868 г.) признался, что онъ уже давно панславистъ. Любопытныя причины, высказанныя имъ по этому поводу.

„Въ V вѣкѣ латинскій геній является совершенно дряхлымъ, угасающимъ; отсюда возникла потребность обновленія его путемъ германизации. Въ XIX вѣкѣ, въ эпоху регулярныхъ армій, конституционныхъ монархій, несмѣняемыхъ судей, общественной благотворительности, геній западной Европы какъ бы снова изсякъ и, естественно, выдвинулось господство славянскихъ племенъ, какъ бы для уравновѣшенія великой древней индо-европейской расы. Такимъ образомъ панславизму надлежитъ сыграть въ XIX столѣтіи

П. Л. Ваксель.

Рис. В. Боброва.

ОБЩЕСТВО
всего русского народа
и благотворительности
Русская
архивация в Париже,
№ 18
Париж.

Милостивый Государь.

Комитетъ Общества нести смелѣе
известитъ въ Кильморъ, что устроено
по подобию (съ писаномъ на сѣнѣхъ
сформировать съ каждаго участника)
въ помещеніи Общества (18 rue de
Tillett) елка на Рождество. Просите
каждо года съ 12% съ января 1876
въ 9 часовъ вечера — Устроение елки
вѣтъ въ домѣ домашней празднички
благоблагомъ составитъ въ Общество
свои взносы до 12 января сего года.
Каждый членъ можетъ принести съ
своей супругой и въросшими членами
своего семейства.
Примите, Милостивый Государь,
Увереніе въ совершенномъ почтеніи
и преданности

Президентовъ Общества
Секретаря
Иванъ Муромцевъ

ту же роль, которая выпала германцамъ въ V вѣкѣ. Эта эволюція совершится своимъ обычнымъ ходомъ безъ участія какихъ либо проповѣдниковъ или памфлетистовъ; все произойдетъ само собой“.

Великій гуманистъ Вильямъ Теккерей обратился къ одной своей знакомой дамѣ съ такимъ въ высшей степени оригинальнымъ письмомъ:

„Если вы меня спросите, почему такъ долго не имѣли отъ меня ни строки, то позвольте и мнѣ задать вамъ тотъ-же самый вопросъ. У меня, впрочемъ, на ваше замѣчаніе есть прекрасное извиненіе. Я писалъ къ вамъ въ Кильморъ изъ Голландіи, изъ Лувена, изъ Руана, но не получалъ отвѣта. Ну, да! Чѣмъ-же другимъ я могъ объяснить себѣ ваше молчанье, какъ не однимъ только неудовольствіемъ или забывчивостью? Правъ-ли я въ моемъ выводѣ—не желаю предрѣшать, но долженъ признаться, что тысячу разъ, въ свою очередь, старался забыть тѣхъ, которые меня позабыли, и вырвать изъ памяти ихъ имена; съ этой цѣлью я ложился на весь день въ постель, чтобы хоть сонъ разсѣялъ всякія воспоминанія о нихъ. Скажу больше, если мой слуга пытался заговаривать со мной

„Елка“.
Рис. перомъ
А. Боголюбова.

о нихъ—я швырялъ въ него сапогами, готовъ былъ даже отравить его сквернымъ обѣдомъ. Да, я хотѣлъ это сдѣлать! И все-же я продолжалъ потомъ писать въ Кильморъ, такъ какъ, въ концѣ концовъ, пришелъ къ заключенію, что вы смотрите на мои письма—какъ на прошенія нишаго, а не какъ на посланія друга и, чего добраго, приписываете ихъ моей неискренности. Пораздумайте-ка о томъ, о чемъ я вамъ сейчасъ пишу! Искренно къ вамъ расположенный В. М. Теккерей“.

* * *

Въ музей П. Л. Вакселя имѣется цѣлая „Моцартіана“. Въ одномъ изъ писемъ Моцарта къ женѣ встрѣчается трогательная фраза: „когда я писалъ тебѣ—нѣсколько слезинокъ скатилось на бумагу... но теперь будемъ опять веселѣе“...

Глядишь и напрасно стараешься найти слѣды этихъ слезъ... Вѣсть благородствомъ отъ красиваго афоризма Аделанды Ристори: „L'arte è una scintilla dell'intelligenza di Dio“ (искусство—искра божественнаго разума).

Сохранилось прошеніе слуги знаменитаго польскаго патриота Костюшка, Николая Вуароля, къ президенту республики и ассессору

военнаго совѣта въ Бернѣ по поводу призыва новобранцевъ въ 1816г. Проситель ссылается на то, что онъ поступилъ въ услуженіе къ генералу Костюшку, который относится къ нему съ отеческой заботливостью и даетъ ему образованіе. Поэтому Вуароль умоляетъ освободить его отъ воинской повинности. Самъ Костюшко сдѣлалъ собственноручно такую приписку по-французски: „Имѣю честь просить ваше превосходительство позволить моему слугѣ остаться у меня и снизить къ моему положенію, такъ какъ мнѣ будетъ крайне затруднительно найти другого работника, способнаго

„Библейскій сюжет“.
Рис. Тьеполо.

„Домъ въ Рауданахъ“.
Рис. В. Боброва.

„Отдыхающій рыцарь“.
Рис. А. Орловскаго.

совершать со мной постоянныя путешествія“. Рѣдкій документъ, дающій любопытныя черточки къ исторіи нравовъ сто лѣтъ назадъ.

Интересный литературный матеріалъ даетъ письмо Вольтера къ Людовику XV: „Ваше Величество. Возвращаю Вамъ первый томъ. Это не я занялъ его чернилами. Скажу нѣсколько словъ насчетъ скудости человѣческаго ума. Я передѣлывалъ сегодня пять разъ на различные лады маленькую фразу изъ *Генриады* и все-таки не вспомнилъ того оборота, что придумалъ мѣсяцемъ раньше. Что-же это доказываетъ, какъ не то, что гений не всегда одинъ и тотъ-же и что нельзя имѣть ту-же самую мысль дважды въ своей жизни. Нужно постоянно ждать подходящаго момента, — какое собачье ремесло („quel chien de métier“)... Но оно, впрочемъ, имѣетъ свои прелести. Творчество пополняетъ одиночество и жизнь тогда, по моему мнѣнію, становится счастливой. Мой бѣдный гений, совершенно изношенный, цѣлуетъ очень почтительно стопы и крылья вашего гения“.

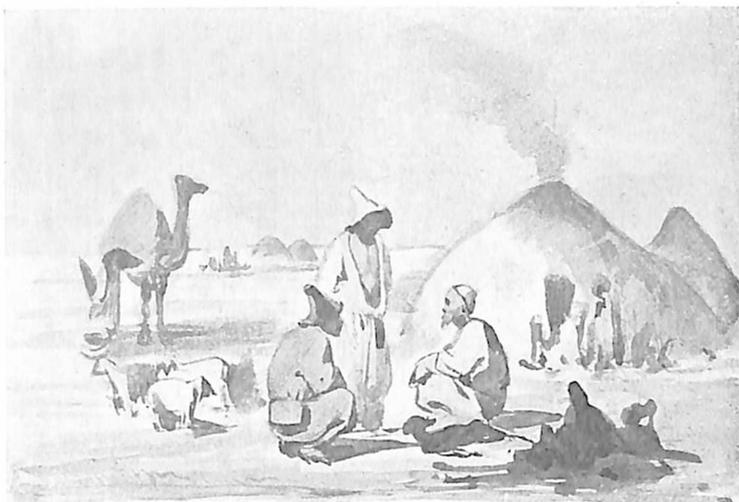
Къ особо цѣннымъ реликвіямъ музея П. Л. Вакселя принадле...

„Въ портерной“.

Рис. В. Е. Маковского.

*И. И. Ваксманъ отъ В. Е. Маковского
отъ 1907-17. Даръ*

„Въ киргизской степи“.

Рис. В. Штернберга.

„Тиволи“.
Рис. Клода Лоррена.

„Тальони“.
Подпись и
рисунокъ
К. П.
Брюллова.

„Арка Януса въ
Римѣ“.

Рис. поэта В. А.
Жуковского.

Arca di Janus Roma

„Освобожденнаго Иерусалима“ (1575 г.). Торквато Тассо обращается въ немъ къ Лоренцу Медичи, дѣлая немного неясные для насъ намеки на какую то его сомнительную дѣятельность. Вотъ этотъ сонетъ въ прозаическомъ переводѣ.

„Счастливыи горный склонъ, гдѣ искусство и природа соединили свои дары, изысканныи и благодатныи. Но кто-же здѣсь омрачаетъ небо, землю и море, проводя время въ чрезмѣрныхъ наслажденіяхъ? Призываю небеса, цвѣты, зелень, чудныя деревья и всѣ дорогія существа,—пускай они изъ теплыхъ и изъ холодныхъ странъ полюбуются на дѣла этого благороднаго затѣйника. Страхнувъ съ себя всѣ тягости, съ весельемъ сердцемъ и спокойной душой, гордо поднявъ голову, вдали отъ суеты слѣпнаго свѣта, пусть дышитъ свободно Джанъ Лоренцо и среди святыхъ и важныхъ заботъ своихъ проводить день въ ликованьи. Тѣни и растенья, пролейте на него свою сладость“. Въ каждой строкѣ чувствуется ѣдкій ядъ сатиры.

Знаменитая трагическая актриса m-ле Жоржъ (Маргарита-Жозефина Веймеръ), сумѣвшая перейти изъ бродячей труппы на сцену „Французской комедии“ и плѣнить перваго консула Наполеона Бонапарта, была знакома и старому Петербургу, гдѣ съ 1808 по 1812 годъ

пользовалась шумнымъ успѣхомъ. Вотъ сохранившееся ея письмо къ директору театра: „Прошу васъ сдѣлать мнѣ одолженіе, въ которомъ мнѣ никогда не отказывать вашъ collega, а именно — присутствовать на моемъ бенефисѣ сегодня вечеромъ (8 іюня 1844 г.). Хотя повышенныя цѣны назначены мною съ разрѣшенія „préfet de police“ въ сравнительно скромномъ размѣрѣ, но все-же это льститъ моему самолюбію. Вѣдь, по ангажементу я имѣю лишь одинъ бенефисъ, доходъ съ котораго составляетъ часть моего жалованья“. Даже для великихъ артистокъ презрѣнный металлъ служилъ не только источникомъ благосостоянія, но и своего рода мѣриломъ успѣха въ глазахъ толпы!

Изыщный новеллистъ Просперъ Меримэ въ запискѣ къ Василию Пушкину, говоря о какомъ-то Тургеневѣ, который не числился въ спискѣ эмигрантовъ, между прочимъ касается перевода на русскій языкъ „Иліады“ и находитъ, что въ немъ попадаются иногда слишкомъ современныя слова („quelques mots qui me semblent trop modernes“). „Но, можетъ, я невѣрно сужу о достоинствахъ русскихъ выраженій“, осторожно прибавляетъ онъ: — „depuis que j'ai fait saigner un homme au lieu de la faire fumer, je me méfie beaucoup de mes interprétations“.

Курьезно письмо Генриха Гейне à son cher Marie, заканчивающееся такой фразой: „Сегодня я уже написалъ главу, гдѣ выбралъ весь міръ, commençant

par le Bon Dieu et finissant par votre très humble serviteur H. H."

Вы помните стихи Альфреда де-Мюссе, обращенные къ друзьямъ?

„Mes chers amis, quand je mourrai,
Plantez un saule au cimetière.
J'aime son feuillage éploré,
La paleur m'en est douce et chère,
Et son ombre sera légère
A la terre où je dormirai“.

Они вырѣзаны на памятникѣ усопшаго поэта. Высохшая вѣтка ивы хранится въ музеѣ П. Л. Вакселя на листѣ пожелтѣвшей бумаги, на которомъ написано это поэтическое завѣщаніе.

Любопытно, что Лафонтенъ, Бомарше, Ньютонъ и Байронъ фигурируютъ какъ авторы долговыхъ обязательствъ.

* * *

Что сказать объ отдѣлѣ музыкальномъ? Право, скорѣе можно указать, кого нѣтъ, чѣмъ перечислить тѣхъ, кто есть. Тутъ и письма дѣятели музыки и пѣвня и цѣлыя партитуры. Напримѣръ, укажу какъ на особую рѣдкость, на рукопись предшественника Шопена, Джона Фильда, того самаго, котораго англичане называли „the Russian Field“, на автографъ большого португальскаго композитора, короля Юанна IV, основателя браганской династии, на партитуру Сартти, написанную по заказу Потемкина („Слава въ вышнихъ Богу“),—концертъ подъ аккомпаниментъ пушечныхъ выстрѣловъ, при чемъ славянскій текстъ написанъ латинскими буквами, и на два партитурныхъ листа Бетховена.

Затѣмъ идутъ: полная партитура „Salve Regina“ Шуберта, неизданный еще речитативъ Валентины изъ „Гугенотъ“ Мейербера, чрезвычайно интересное письмо изъ Байрета Вагнера, въ которомъ онъ на хорошемъ французскомъ языкѣ благодаритъ за выборъ его членомъ общества „des amis du divorce“ (1881 г.), условия ангажементовъ легендарной колоратурной пѣвицы Анжелики Каталани, записка К. Кавоса, автора „Ивана Сусанина“, въ которой онъ отказывается отъ наслѣдства, письма Ф. Шопена, Листа, Россини...

Піанистъ высокаго музыкальнаго интеллекта, Гансъ-Гвидо баронъ фонъ-Бюловъ 21 марта 1877 г. въ такихъ выраженіяхъ писалъ о своей нервозности американскому импресарио Ульману: „У меня нѣтъ ни физической силы, ни умственной. Могу себѣ позволить жить—жизнью больной устрицы,—не въ состояніи ни играть на роялѣ, ни быть композиторомъ, ни думать...“ А вотъ его отзывъ объ А. Рубинштейнѣ: „Доброе дѣло хотите вы предпри-

„Актеръ Дмитревскій“. Офортъ О. А. Кипренскаго.

„Офицеръ гоголевской эпохи“. Карриатура Л. Н. Вакселя.

„Фридрихъ Великій“. Рис. Д. Ходовецкаго.

„Мужской портретъ“.

Рис. О. А. Кипренскаго.

нять—пропагандированіе *Нерона* въ Лондонѣ. Думаю, это будетъ успѣшно во всѣхъ отношеніяхъ. Миѣ кажется, что эта опера А. Рубинштейна выше его *Маккавеевъ*. Какъ драматургъ-музыкантъ онъ — восходящее свѣтило“.

Упомяну еще объ интересныхъ письмахъ (нерѣдко съ рисунками) художниковъ и артистовъ, гдѣ красуются такія имена, какъ скульпторъ Канова, Альма Тадема, Гаррикъ, Айра Олдриджъ, Патти, Сальваторъ Роза, Тальони, Тальма, Кинъ, Кнаусъ, Ленбахъ, Виардо...

* * *

Передо мной еще нѣсколько папокъ съ великолѣпными, подчасъ очень цѣнными рисунками и гравюрами, изъ которыхъ нѣкоторыя воспроизводятся въ этомъ номерѣ.

Главный „гвоздь“ собранія, безъ сомнѣнія, архитектурный эскизъ 20—30-хъ годовъ XVI вѣка, принадлежащій ученику Рафаэля, Джулио Романо, глубокому знатоку антиковъ. Далѣе слѣдуютъ К. Брюлловъ (набросокъ перомъ „Тальони“ и рѣдчайшая, единственная его гравюра „мужскія фигуры“) и „русскій Ванъ-Дейкъ“, Орестъ Кипренскій (мужской портретъ, портретъ актера Дмитревскаго и „Вознесеніе“). В. А. Бобровъ далъ интересную галерею типовъ изъ имѣнія „Раданы“, Ковенской губ., гдѣ имѣется замокъ, въ которомъ былъ убитъ Гедиминъ.

Ученикъ Шишкина, Ѳ. Васильевъ, владѣвшій удивительнымъ умѣньемъ гармонизовать цвѣта, блестяще сочнымъ рисункомъ, изображающимъ лѣсъ, а „русскій Рафаэль“, Алексѣй Егоровъ, трактуетъ свой излюбленный сюжетъ „Мадонну“.

Оригинально пригласительное письмо на елку „общества взаимнаго вспоможения и благотворительности русскихъ художниковъ въ Парижѣ“ за подписью председателя А. Боголюбова и секретаря Ивана Тургенева, при чемъ Боголюбовъ тутъ-же изобразилъ перомъ громадную елку (12 января 1883 г.).

Я перечислилъ совсѣмъ мало рисунковъ, а ихъ сотни, и все имена выдающихся художниковъ.

В. Умановъ-Кап. луновскій.

„Столѣтній жмудякъ“. Рис. В. Боброва.

Орхидейная оранжерея сада.
Surrigredium Vochalii (Башмачекъ Вены).

Новое здание для гербарія.

КРАСИВЫЙ ПЕТРОГРАДЪ.

Императорскій Ботаническій садъ въ Петроградѣ.

Соб. фот. „Ст. и Ус.“.

Орхидейная оранжерея сада.
Catlea Trianei и
Coelogyne Cristata.

Генераль-отъ-инфантеріи Николай Николаевич
Янушкевичъ.

Генераль-отъ-инфантеріи Юрій Никифоровичъ
Даниловъ.

БЛИЖАЙШІЕ СОТРУДНИКИ ВЕРХОВНАГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО.

Генераль-маіоръ Сергѣй Александровичъ
Ронжинъ.

Генераль-лейтенантъ Петръ Константиновичъ
Кондзеровскій.

Верховный Главнокомандующий
Его Императорское Высочество Великий Князь Николай Николаевич.

Мар. Витальевна Янушкевичъ,
супруга генерала-отъ-инфанте-
ріи Ник. Ник. Янушкевича.

Екат. Алекс. Данилова, су-
пруга генерала-отъ-инфантеріи
Юрія Никифоровича Данилова.

Алек. Павл. Кондзеровская,
супруга генераль-маіора Петра
Конст. Кондзеровскаго.

Дамскій лазаретъ л.-гв. Измайловскаго полка.
Среди раненыхъ справа налѣво: Л. А. Дрентельнъ,
рожд. Кушелева (бывш. сестра милосердія въ
Японск. войну), Н. Я. Кушелева, рожд. Колзакова,
К. М. Поливанова, сидитъ Л. А. Кушелева.

Петроградъ. Лазаретъ „Во имя любви къ ближ-
нему“. По срединѣ попечительница лазарета О. А.
Любимова, слѣва отъ нея старшая сестра В. Н.
Петриченко.

Фрейлина Лид. Влад. Никитина (дочь командующаго арміей), старш. сестра въ одесскомъ лазаретѣ имени Е. И. В. Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Раиса Петр. Никитина, супруга командующаго арміей, председательница одесскаго комитета Краснаго Креста. Награждена георгиевскимъ знакомъ отличія.

Баронесса Фел. Алекс. Шиллингъ (рожд. бар. Буксгевдѣнь), супруга офицера гвардіи павшаго въ бою.

Складъ Краснаго Креста въ Montreux въ Palace-Hôtel.

Члены комитета и постоянно работающія въ складѣ: баронесса М. П. Кноррингъ (рожд. гр. Шувалова), Е. К. Нарышкина (рожд. гр. Толь), баронесса М. А. Будбергъ (рожд. кн. Кугушева), Н. С. Эйхлеръ (рожд. Танѣва), баронесса Е. Р. Кноррингъ, Ю. Р. Ростовцева (рожд. Кноррингъ), К. А. Яворскій, гр. О. А. Гейденъ, герцогиня Е. Г. Лейхтенбергская, Ю. К. Кноррингъ (дочь М. П. Кноррингъ).

Баронесса Китти фонъ-деръ-Паленъ (рожд. бар. Буксгевдѣнь), супруга офицера гвардіи павшаго въ бою.

Ел. Ник. Крейтонъ,
работаетъ въ складѣ
Мраморнаго дворца и
въ лазаретахъ.

*Дамы, работающія
на нужды войны.*

Соф. Иоак. Крейтонъ, учреди-
тельница и попечительница
лазарета „Во имя любви къ
ближнему“.

Ольга Влад.
Шабельская
(рожд. Буто-
рова) супруга Старорусскаго
предводителя Дворянства.

Сестра милосердія Е. А. Чичерина, воз-
вратившаяся изъ германскаго плѣна.

Баронесса Ф. П. Кусова,
награждена
георгиев-
ской ме-
далью.

Тат. Ник. Арнольдъ.

Кира Ник.
Добржинская.
(рожд. сестры Павловскія).

Ал. Ник. Старинкевичъ.

ВЫСТАВКА ЦЕРКОВНОЙ СТАРИНЫ.

Возникшее вмѣстѣ съ христіанствомъ искусство на Руси, находилось сначала исключительно подъ византійскимъ вліяніемъ. Да и могло ли быть иначе, когда Византія являлась для всего міра источникомъ истинной красоты.

О томъ, сколь высоко было ея искусство и какое оно должно было давать другимъ направленіе, свидѣтельствуютъ ряды вещей, выполненныхъ эмалью изъ собраній И. П. Балашова, гр. А. А. Бобринскаго, Б. И. и В. Н. Ханенко и друг. Удивительная тонкость работы, строгость и благородство фигуръ и облачений на византійскихъ иконахъ, производятъ и до сихъ поръ чарующее впечатлѣніе. Каждая вещь изготовлена тщательно, съ любовью, и потому имѣетъ свой опредѣленный характеръ, стиль и столь далка отъ современныхъ механически-шаблонныхъ, бездушныхъ вещей. Уже издавна византійскія эмали славились на весь міръ. И дѣйствительно мало что можетъ превзойти ихъ по красотѣ. Самая техника эмали, довольно сложная и требовавшая отъ мастеровъ особаго искусства, дѣлала ихъ весьма цѣнными и въ прежнее время. Нынѣ же цѣны на древнія эмали котируются на заграничныхъ рынкахъ въ десятки и сотни тысячъ франковъ. Знатокъ византійскаго искусства, специально занимавшійся изученіемъ эмалей, академикъ Кондаковъ такъ описываетъ ихъ изготовленіе: „приготавлился золотой листъ; съ краевъ онъ загибался, смотря по формѣ предмета—образка, куска орнамента и проч., и образовывалъ родъ лоточка. Затѣмъ по внутренней его сторонѣ, или по дну, выполнялся шиломъ рисунокъ въ видѣ пунктира и слѣдуя по линіямъ накала эмальеръ выкладывалъ по нимъ весь контуръ изображенія тонкими золотыми ленточками, нарѣзанными по толщинѣ предполагаемаго слоя эмали, устанавливая ихъ на ребро, въ видѣ перегородочекъ, для наложенія внутри ихъ слоевъ эмалеваго порошка различныхъ цвѣтовъ. Подвергнутой дѣйствию сильнаго огня порошокъ расплавлялся и заполнялъ соотвѣтственные перегородочки эмалевою массою, послѣ чего изготовляемый предметъ подвергался шлифованію для полученія зер-

Евангеліе съ серебряной доской чеканной 1786 г., изъ собора Казанской Божіей Матери. Надпись на оборотѣ: „проектировали доски живописныя мастера верхнюю Ассесоры Иванъ и Алексѣй Бельскіе“... указываетъ на двухъ братьевъ, перспективныхъ живописцевъ, обучавшихся въ Академіи Художествъ.

Евангеліе рукописное изъ собора Императорскаго Зимняго дворца. Верхняя доска золотая чеканная, украшенная финифтью и драгоценными камнями, по краю надпись: „Во славу Троицкаго Божества Отца и Сына и Святаго Духа, построено сіе Святое Евангеліе золотое повелѣніемъ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Феодора Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца въ церковь Живоначальнаго Христова Воскресенія что у него Великаго Государя вверху въ лѣта 7186 (1678) августа въ 16 день“.

кальной поверхности. Полировка эмалей достигала у византійскихъ мастеровъ высокаго совершенства“.

Искусство изготовлять эмали перешло изъ Византіи и къ русскимъ мастерамъ и въ XI—XII в.в. Кіевскіе мастера приготавливали эмали мало чѣмъ уступающія византійскимъ. Образцами эмалей русской работы могутъ служить кресты-энколпионы изъ собранія Ханенко, украшенные перегородчатою эмалью XII в. и найденные въ Кіевской губерніи.

Кромѣ эмалей обращаютъ на себя вниманіе и различныя рѣзные вещи византійской работы изъ кипариса и кости: часть деревяннаго складня съ рѣзнымъ изображеніемъ Воскресенія Лазаря и Успенія Божіей Матери XII—XIII в.в.; створки другого складня изъ слоновой кости съ изображеніями святыхъ и друг. Образцомъ тончайшей византійской мозаики является образъ Николая Чудотворца XII—XIII в. изъ собранія Ханенко,

въ окладѣ изъ золоченаго серебра чеканной работы. Нѣкогда онъ принадлежалъ епископальному музею въ Испанскомъ городкѣ Викѣ, близъ Барселоны и былъ изданъ проф. Кондаковымъ въ его

трудѣ „Памятники христіанскаго искусства на Аѳонѣ“.

Начиная съ X вѣка, вмѣстѣ съ христіанствомъ, къ намъ стали проникать и новыя формы искусства — зодчество, выразившееся въ постройкѣ величественныхъ каменныхъ соборовъ Софіи Кіевской и Новгородской, и религиозная живопись — иконопись. Русскіе иконники, не могли доволѣствовать только копированіемъ греческихъ образцовъ. Изображеніе своихъ, русскихъ святыхъ, въ чисто русской обстановкѣ и національныхъ одѣяніяхъ неизбежно должно было внести въ иконопись новыя элементы и побудить отрѣшиться отъ нѣкоторыхъ византійскихъ традицій. Эта свобода творческой дѣятельности выразилась впоследствии

Палица, шитая золотомъ, серебромъ и шелками по бархату XVIII в.; орарь, шитый жемчугомъ XVII в.; поручи, съ изображеніемъ Благовѣщенія; епитрахиль, вышитый золотомъ по красному шелку XVII в.; воздухи и облачения (Петропавловскій придворный соборъ).

Потиръ золотой, украшенный камнями и бриллиантами. Даръ Императрицы Екатерины II Александро-Невской Лаврѣ.

Киевской, Повгородской, Митрофановской, Суздальской, Строгановской, Царской и друг. Въ первой половинѣ XVII вѣка, при тишаемъ царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, при Оружейной Палатѣ была основана особая школа царскихъ иконописцевъ „для государевыхъ всякихъ приказныхъ и верховныхъ конописныхъ и прибылыхъ дѣлъ для починки образовъ вновь“. Въ эту царскую мастерскую набирались лучшие мастера, состоявшие на постоянномъ жалованьи.

Большинство иконъ изъ собора Зимняго Дворца относится именно къ XVII вѣку. Среди нихъ особо чтимой является икона Божіей Матери Феодоровской въ серебряномъ золоченомъ съ финифтью окладѣ, относящаяся къ первой половинѣ XVII вѣка. Въ ряду другихъ выделяются именитыя иконы, вродѣ Спаса Эммануила въ прекрасномъ филигранномъ съ финифтью окладѣ XVI—XVII в. и съ надписью на оборотѣ: „Царевны Анны Иоанновны“, или преп. Варлаама Хутынского въ золотомъ съ чернью окладѣ XVII в. принадлежавшая, судя по надписи, „Царевичъ Екатеринбургъ Иоанновичъ“, Цесюса, Божіей Матери „Умпленіе“, „Взыграніе“ и много другихъ, представляющихъ большой интересъ для всякаго любителя древне-русской иконописи. Особо полное представление о красотѣ древнихъ иконъ и объ ихъ рос-

Икона, которую Императрица Екатерина II благословляла Церевну Анну Алексѣевну на бракъ съ Императоромъ Павломъ (Александровская лавра).

украшеннымъ финифтью, драгоценными камнями и жемчугомъ XVI—XVII в. На ткани, покрывающей оборотную сторону иконы, находится надпись: „Благословеніе Филиппа Митрополита Московскаго и Всея Россіи“, а ниже— „окладъ дѣла Парамшина“. Икона эта находится въ собраніи графа А. А. Мусина-Пушкина. Историческій интересъ представляютъ и нѣкоторыя иконы изъ Преображенскаго всей гвардіи собора— Божіей Матери Курской, въ серебряномъ вызолоченомъ окладѣ съ драгоценными камнями, поднесенная курскими гражданами князю Голенцишеву - Кутузову - Смоленскому въ день Мало-Ярославскаго сраженія, и икона Спаса Нерукотвореннаго Образа, принадлежавшая нѣкогда первому преобразженцу С. Л. Бухвостову.

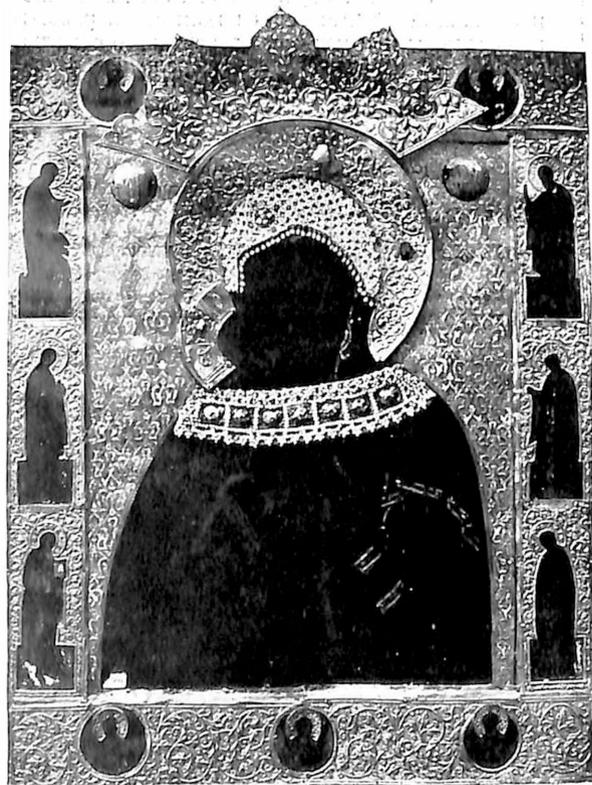
Наряду съ иконописью большое мѣсто отведено различнымъ церковнымъ облаченіямъ и ризамъ, поражающимъ своимъ великолѣпіемъ, вкусомъ и тонкостью исполненія.

Подобно иконописи, но лишь съ иглой вмѣсто кисти и разноцвѣтными шелками взамѣнъ красокъ, создавали шитыя иконы, изображенія святыхъ и не рѣдко исполнялись цѣлыя сложныя художественныя композиціи въ которыхъ проявлялась большая творческая индивидуальность. Какъ на образчикъ такой работы можно указать на часть иконостаса съ иконами, шитыми золотомъ 1590 г. По преданію этотъ иконостасъ принадлежалъ къ походной церкви царя Феодора Иоанновича, а нынѣ хранится въ церкви Чесменскаго Инвалиднаго Дома Императора Николая I. Въ собраніи Гальнебака находится также рядъ изумительныхъ по тонкости исполненія шитыхъ иконъ.

XVIII вѣкъ, ознаменовавшійся приобщеніемъ русской жизни къ западной культурѣ, сказывается и въ области церковной старины, гдѣ взамѣнъ старыхъ формъ, появляются другія болѣе пышныя и парадныя. Таковы, напримѣръ вклады Екатерины II въ Александровскую Лавру—золотой потиръ, украшенный камнями или золотая чеканная лампада. Къ этой же эпохѣ относятся и серебряныя пудовыя чеканной работы оклады Евангелій, и различные предметы церковнаго обихода.

Большой интересъ представляютъ ряды лицевыхъ рукописей и старопечатныхъ книгъ изъ Публичной Библіотеки, Академіи Наукъ и Духовной Академіи.

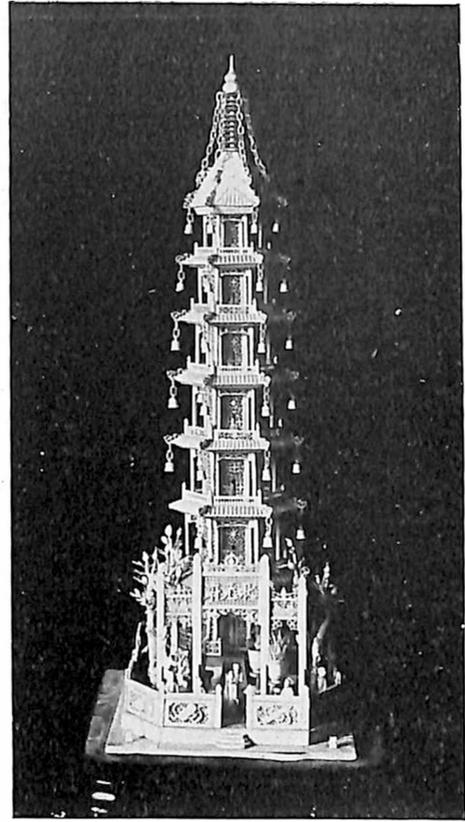
С. К. вѣ.

中華駐俄使館

КИТАЙСКОЕ ПОСОЛЬСТВО ВЪ ПЕТРОГРАДѢ.

Члены китайского посольства. Въ центрѣ группы: посланникъ Лиу-Цзинъ-Женъ, по правую отъ него руку 2-й секретарь Ли-Ше-Чонгъ, по лѣвую, 1-й секретарь Чжень-Янъ-Ши, стоятъ: 3-й секретарь Чень-Куаннинъ и атташе: Гуанъ-Юй-Анъ и Лисифу-Лиюйхуа.

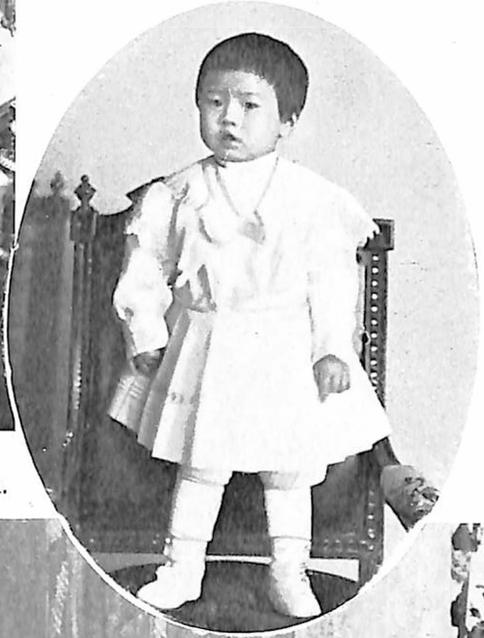
Маленькая пагода изъ слоновой кости, очень древней работы.

Посланник Лиу-Цзинъ-Жень въ своемъ рабочемъ кабинетѣ.

Сынъ посланника.

Супруга китайскаго посланника.

Два старинных панно въ рамках изъ черного дерева. Цвѣты, фрукты и вазы на этихъ панно сдѣланы изъ разно-
цвѣтныхъ драгоцѣнныхъ камней.

КИТАЙСКОЕ ПОСОЛЬСТВО ВЪ ПЕТРОГРАДѢ.

Гостиная съ китайской мебелью. Между зеркалами два ста-
ринныхъ ложа изъ черного дерева съ рѣзьбой.
На подставкѣ—вазы и приборы для куренія опиума.
Въ большой рамѣ подъ стекломъ изображеніе государственнаго
герба—краснаго дракона.

ТРИУМФЫ Н. БОГДАНОВОЙ.

(По ненапечатанному письму ея отца).

Надежда Богданова—одна из первых русских танцовщицъ, поживавшихъ лавры на европейских сценахъ. И Парижъ, и Вѣна пятидесятихъ годовъ восхищались ея яркимъ и красивымъ талантомъ.

Вотъ, что пишетъ, на примѣръ, отецъ балерины къ Ѳ. А. Кони о подробностяхъ выступлений дочери въ Вѣнѣ. Подробности эти являются впервые въ печати и могутъ интересовать историковъ нашей хореографической сцены. Перевожу съ письма, написаннаго Константиномъ Богдановымъ на отличномъ французскомъ языкѣ—и, конечно, только выдержки:

„Представьте себѣ, ваше превосходительство,—пишетъ Богдановъ,—что выступление моей дочери Надежды произвело такой эффектъ, что театръ каждый разъ, когда она танцуетъ, совершенно полонъ. Для дебюта она выбрала „Жизель“, которую возобновили для нея въ Парижѣ и которую она танцуетъ, создавая какъ бы новую вещь. Публика была удивлена, что русская (танцовщица) обладаетъ всеми превосходными качествами. Для иностранцевъ это совершенно новое впечатлѣніе, ибо они убѣждены, что ничего изящнаго не можетъ явиться съ Сѣвера. Надежда привела ихъ въ восторгъ. Въ особенности она несравненна въ „Сильфидѣ“ и „Жизели“. Во второмъ актѣ

„Жизели“ она все время танцуетъ среди живыхъ цвѣтовъ, сцена превращена въ свѣжій и благоухающій садъ, въ которомъ она летаетъ и исчезаетъ какъ легкая тѣнь, рожденная фантазіей поэта. Отъ чего вы не можете быть свидѣтелемъ тѣхъ серенадъ, ликованій и овацій, которыя моя дорогая дочь принимаетъ съ такой признательностью и съ такой скромностью! Ее не хотятъ отпускать въ Парижъ, гдѣ ее уже ожидаютъ, и оберъ-гофмейстеръ (?) умоляетъ ее остаться въ Вѣнѣ на зиму. Но она должна поѣхать въ Парижъ, а за тѣмъ—ея самое страстное

ВОСПОМИНАНЬЯ...

Сумерки, угрюмая столичная сумерки. Каменные громады домовъ полны жизни. Горитъ керосинъ; тепло и даже уютно. Электричества, блестящаго, бѣлаго, но холоднаго, еще нѣтъ. А улица мигаетъ газовыми фонарями.

Я стою у двери кабинета директора нашей консерваторіи. Приказъ великаго Антона быть ровно въ 3 ч. Ослушаться—нельзя и подумать. Въ кабинетѣ тихо. Вхожу. Два рояля чернѣютъ, удлиняя въ темнотѣ свои хвосты. У пюпитра склоненная фигура. Львиная голова лежитъ на рукѣ и не поднимается.

— „Кто тамъ? Ахъ, это вы, душенька“. И мягкимъ движениемъ руки Антонъ Григорьевичъ подзываетъ ближе.

— „Принесли? ну вотъ и хорошо. Задумался я... А знаете ли вы, слушающіе тутъ всякія премудрости, что такое Обераммергау? По исторіи Саккетти: „незначительный городокъ Баваріи, гдѣ каждые десять лѣтъ бывають мистеріи“. „А знаете ли вы, что это за мистеріи, что это за святость, что это за чудный осколокъ средневѣковья. Въ этомъ году я туда ѣду, ѣду приобщиться великаго таинства“. Я молчу. „А впрочемъ, идите“. Голосъ рѣзкій. Я тороплюсь, я чувствую, что я недостойна приобщиться настроенія художника, творящаго можетъ быть въ эту минуту одинъ изъ

желаніе вернуться въ Россію: она отказывается отъ блестящихъ ангажементовъ въ Лондонѣ и Италіи. Она жаждетъ вновь увидѣть свою родину...

„Директоръ Парижской консерваторіи г. Оберъ, пишетъ, что мой сынъ на августовскомъ конкурсѣ долженъ получить первую награду по классу скрипки. Дочь моя Надежда, покидая оперу, получила отъ ея императорскаго высочества принцессы Мюратъ часы, украшенные брилліантами, а публика на прощальномъ спектаклѣ поднесла ей вѣнокъ изъ бѣлыхъ камелій, который покрывалъ собою ящикъ съ золотыми шпорами для мазурки. Прошу ваше превосходительство не отказать оповѣстить о всѣхъ этихъ счастливыхъ событіяхъ всю Россію (!) при помощи вашего талантливаго и краснорѣчиваго пера. Ваше сердце пойметъ нѣжныя чувства старика отца, который жертвуетъ всѣмъ, чтобы дать Россіи артистовъ, достойныхъ ея уваженія“...

Этой пышной патриотической фразой заканчивается письмо счастливаго родителя талантливой балерины. Можетъ быть въ немъ есть кой-какія преувеличенія—вѣдь „Сильфиду“ танцовала Тальони, а „Жизель“—Гризи, но несомнѣнно, что Надежда Богданова была лучшей танцовщицей своего времени и имѣла дѣйствительный успѣхъ на двухъ лучшихъ европейскихъ сценахъ той эпохи.

И сама Надежда Богданова, „съ разрѣшенія отца“, дѣлаетъ приписку къ этому письму—тоже по французски—что она „была бы счастлива имѣть въ своемъ альбомѣ фельетоны, которые вы соблаговолили написать о моихъ дебютахъ въ Парижѣ. Вѣрьте, ваше превосходительство, — заканчиваетъ она,—что не проходитъ дня, чтобы я не мечтала сдѣлаться большой артисткой, а для этого нужна большая, большая мощь“...

В. Святловъ.

музыкальныхъ эпизодовъ своего золотого сна, своей музыкальной драмы „Христосъ“...

* * *

Бесѣда, тихимъ, зимнимъ вечеромъ. Старая пріятельница, теософка рассказываетъ:

— Нѣтъ, только тамъ, гдѣ остался столпъ нѣмецкаго католичества, гдѣ не утвердилось растлѣвающее вліяніе протестантства, могла сохраниться такая красота духа, такая Божья благодать. Все время, что длились праздники въ Обераммергау, я была между небомъ и землею. Только тамъ познаешь все величіе Искупленія, только тамъ льются слезы истиннаго религіознаго умиленія...

* * *

Я переживаю 1914—15 годъ. Въ газетѣ краткая замѣтка—„въ Обераммергау, въ театрѣ Страстей Господнихъ устроены конюшни“.

Спи, великій Антонъ! 20 лѣтъ прошло со дня твоей смерти. Теперь страсти людскія замѣнили, вдохновлявшія тебя, страсти Господни. Поруганы святыни; предсказалъ когда то вѣрно ты своимъ вѣщимъ словомъ: „штыки и единство—ножъ острый для культуры“.

„Карма, злая Карма“ шепчутъ дрожащія губы, смотря на злоѣщее газетное сообщеніе... Старая теософка льетъ тихія слезы глубокаго горя.

Старая консерваторка.

Скульптура „Истома“ Н. С. Сокольничаго. Сокольницкій выставлялъ неоднократно свои работы въ „Salon des Artistes Francais“; сейчасъ благодаря войнѣ онъ находится въ Петроградѣ. Эту скульптуру онъ жертвуетъ на помощь разоренной Польшѣ.

НАРЦИССЫ И ТЮЛЬПАНЫ.

Бѣлые нарциссы, красные тюльпаны,
Символь вашъ сокрытый, кровь и чистота,
Бѣлая повязка, пурпуръ алой раны
Смерть—и жизни трепеть, мука—и мечта.

* * *

Тамъ за рамой дальней жизненной кулисы
Льется кровь рѣкою въ стычкахъ и бояхъ:
Красные тюльпаны, бѣлые нарциссы
Тамъ растутъ повсюду на родныхъ поляхъ...

Кн. Федоръ Касаткинъ-Ростовскій.

Поэтъ кн. Ф. Н. Касаткинъ-Ростовскій, председатель Ново-Оскольской Земской Управы, добровольцемъ на войнѣ.

ПЕРЕПИСКА СЪ ЧИТАТЕЛЯМИ.

Редакціей полученъ рядъ писемъ съ критикой помѣщенного въ „Столицѣ и Усадьбѣ“ обзора картинныхъ выставокъ. Находятъ, что подборъ репродукцій слишкомъ случайный, разноцѣнный, наряду съ настоящей живописью — „декаденщина“; кажется страннымъ помѣщеніе рядомъ такихъ неподходящихъ другъ къ другу сюжетовъ...

Концертъ устроенный попечительницею пріюта для дѣтей пострадавшихъ на войнѣ нижнихъ чиновъ М. Н. Бобылевою.

Въ серединѣ группы М. Н. Бобылева, А. А. Петина, Л. Н. Устругова, Чарова; въ нижнемъ ряду организаторъ хора Истоминъ, Уструговъ и друг.

Журналъ даетъ обзоръ выставокъ, ихъ отраженіе. Наши выставки дѣйствительно разношерстны и на одной стѣнѣ или въ одной комнатѣ висятъ рядомъ очень часто произведенія несомѣстимыя. Если это отразилось на страницахъ журнала, посвященныхъ обзору, то тѣмъ лучше: это даетъ вѣрное представленіе о нашихъ художникахъ и вкусахъ покупателей, этой цѣлью и задавался журналъ.

Петроградъ. Дѣтскій балетъ „Веселый часовой“, поставленный въ Обществѣ „Огниско“ въ пользу пострадавшей Польши.

ВЕЩИ И ЛЮДИ.

Мы разговаривали тихо, задушевно, среди сгушавшихся сумерекъ. И мнѣ казалось, что въ нашей бесѣдѣ участвовала душа окружавшихъ насъ старыхъ семейныхъ вещей.

— Я понимаю васъ—говорилъ я хозяину—въ этой вашей страсти собирать вещи: съ этими вещами входитъ къ вамъ часть прошлаго, невѣдомыя частицы души былыхъ людей.

— Я поправлю васъ—сказалъ мнѣ хозяинъ—я не собиратель: моя судьба счастливѣй, я главнымъ образомъ охранитель. У меня очень мало купленныхъ, а почти все наслѣдственные вещи, и я знаю исторію каждой изъ нихъ. Эти вещи для меня—живая лѣтопись...

Видите вотъ эту оригинальную лампу, на столбикѣ краснаго дерева. Ее по собственному рисунку дѣлалъ мой дядя—который умеръ до моего рожденія, но котораго я очень чувствую и знаю. Видите, какое красное и милое лицо, и какъ онъ изященъ и наряденъ. Въ немъ уживался демонъ и ангелъ; онъ широко помогаль своимъ бѣднымъ университетскимъ товарищамъ, ужасно кутилъ, а временами на него нападало аскетическое настроеніе, и онъ пѣшкомъ ходилъ по богомолямъ и сгорѣлъ въ двадцать два года...

А эти старые наряды на портретахъ, дамы съ фероньерками на лбу и мужчины въ сюртукахъ съ высокой таліей, съ подбродкомъ, подоткнутымъ большимъ галстукомъ, другія дамы въ пышныхъ кринолинахъ, мужчины—гусары въ венгеркахъ съ шнурами, дамы въ локонахъ и высокихъ воротничкахъ Екатерининскихъ временъ, странные большіе чепцы съ несуразными бантами начала девятнадцатаго вѣка, низкія шляпки съ большими перьями пятидесятихъ годовъ; какъ все это разнообразно и мило, и говоритъ о формахъ угасшей жизни.

И какіе порою въ портретахъ,—продолжалъ онъ,—обнаруживаются тайны. Вотъ два большихъ портрета моей бабушки и дѣда, дѣланныхъ передъ ихъ свадьбой въ 1818 году.

Я зналъ, что оба эти портрета кисти Митуара, художника, работавшаго въ Россіи въ первую четверть того вѣка. Онъ писалъ въ натуральную величину, всегда на темномъ фонѣ. Ставилъ онъ свои подписи всегда на необыкновенныхъ мѣстахъ. Я долго и тщетно искалъ его подписи... Когда однажды весной забрался въ комнату яркій лучъ солнца, освѣтившій портретъ, я подъ какимъ-то напѣтиемъ сказалъ себѣ: „сейчасъ обнаружится подпись“. Я подошелъ съ лупкой къ портрету и увидѣлъ небольшого размѣра подпись „Mitoire“. А на мужскомъ портретѣ, сдѣланномъ въ тоже время, обнаружилъ подпись мой пріятель, знатокъ, покрывавшій это полотно лакомъ и нашедшій подпись на ребрѣ стула.

Вотъ тутъ на большомъ портретѣ она невѣстой. На этой парижской акварели на кости она все еще молоденькой женщиной въ кисейномъ бѣломъ платьѣ съ чернымъ боа на шеѣ. Вотъ она сорокалѣтней дамой въ чепцѣ и съ цвѣтами въ букляхъ, съ небрежно накинутой на плечи глубокой накидкой на горностаѣ. А вотъ, наконецъ, семидесятилѣтняя старушка въ сѣромъ шелкѣ и свѣтло-сиреневомъ чепцѣ. И всюду на ней тѣ же нитки жемчуга, съ которыми она не разставалась до смерти... Предо мною вся ея жизнь, отъ молодости до гроба. Вотъ кресло, въ которомъ она умерла. Въ дѣтствѣ мы не смѣли даже садиться въ это кресло, считая его священнымъ, и оно стояло отдѣльно, около иконъ, въ атласномъ синемъ чехлѣ...

Эти большіе часы еміре, это ея свадебный подарокъ отъ зятя, и все здѣсь приурочено къ свадьбѣ. Наверху фигура молодой

БѢГА ВЪ ПЕТРОГРАДѢ.

„Крѣпышъ“.
Побѣдитель приза имени
гр. Ил. Ив. Воронцова-Дашкова.
(16 октября 1912 г.).

„Перезвонъ“.
Побѣдитель приза въ память
А. А. Стаховича.
(22 декабря 1912 г.).

Около „Перезвона“ владѣлецъ
его кн. В. Л. Вяземскій, рядомъ
съ нимъ казначей о-на А. А.
Зотовъ.

ИСТОЩЕНІЕ

и худосочіе на почвѣ чахотки и другихъ хроническихъ болѣзней, неврастенія и нервныя заболѣванія, безсиліе, сердечныя заболѣванія, старческая дряхлость съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣлствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“ и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствию ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе спермина“, интересующимся же всей органотерапией, высылается за четыре 7-копѣчныхъ марки, только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-вья. П.Т.Г.
Поставщикъ Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

ПРИНАДЛЕЖНОСТИ МУЖСКОГО ТУАЛЕТА.

Jockey-Club
№40. NEVSKY. №40.

Телефонъ 58-24.

PIJAMAS

ГОТОВЫЕ И НА ЗАКАЗЪ.

ПОСТАВЩИКЪ ДВОРА
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

ТОВАРИЩЕСТВО

АМОСТРОУМОВА
МОСКВА.

МЫЛО ОТЪ ПЕРХОТИ
ЗА № 3374

ДѢТСКОЕ
Гигиеническое ромашковое Мыло

Для предупрежденія поддѣлокъ прощу обратитъ особенное вниманіе на подпись А. Энглундъ красными чернилами и марку Петроградской Косметической Лаботоріи, которыя имѣются на всѣхъ этикетахъ.

Получать можно во всѣхъ лучшихъ аптекахъ, аптекарскихъ, косметическихъ и парфюмерныхъ складахъ.

Агентства и склады фирмы во всѣхъ большихъ городахъ Европы.

Главный складъ для Россіи
А. ЭНГЛУНДЪ,
Пт., Новодеревенск. наб., 15.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНИЕ (дополненное) **В. Л. КРЫМОВЪ.**

О РУЛЕТКѢ МОНТЕ-КАРЛО, ЮЖНОЙ АМЕРИКѢ, ГАСТРОНОМИИ, МОДАХЪ И
О ПРОЧЕМЪ.

О Монте-Карло и игрокахъ.—О литературѣ, порнографіи, гастрономіи и другомъ.—Изъ поѣздки въ Южн. Америку.—Изъ поѣздки въ Сѣв. Америку и по Зап. Европѣ.—Кинематографъ мысли.
Выписыв. изъ конторы „Столица и Усадьба“ пересылка бесплатно.

ВАДЕМЕКУМ

Лучшее изъ всѣхъ существующихъ
ПОЛОСКАНЬЕ для РТА и ЗУБОВЪ.

Т-ый Д-мъ ОБЮССОНЪ.

МЕБЕЛЬ, • КОВРЫ, • МЕБЕЛЬНЫЯ МАТЕРІИ.

МОРСКАЯ №№ 23 и 25.

Телефоны: 484-55, 606-94, 666-46.

римлянки, одѣвающейся къ вѣнцу и прикалывающей себѣ послѣднія розы... Къ зеркалу, у котораго она совершаетъ свой брачный туалетъ, прислонены свадебные факелы въ вѣнкахъ. На передней доскѣ туалетнаго стола, къ которому прикрѣпленъ циферблатъ, два изогнутыхъ лебедя держатъ надпись „La mariée“... На постаментѣ горельефъ изображаетъ римскую свадьбу съ горящимъ жертвенникомъ, съ амурами, держащими корзины съ цвѣтами и рогъ изобилія, а сзади геній благословляетъ молодыхъ. Музыкальный ящикъ, на которомъ стоитъ все это сооруженіе, украшенъ бронзовою пластинкою съ изумительно переданнымъ движеніемъ и уносомъ коней, которые мчатъ въ колесницѣ Нептуна, увозящаго Прозерпину. А вотъ на горкѣ и золоченая на ножкѣ солонка, которая въ день свадьбы была поднесена ей съ хлѣбомъ-солью.

— Да—сказалъ я—у васъ завершенный циклъ вашей бабушки.

— Это еще не все! Вотъ на стѣнѣ акварель, изображающая ея уютную гостиную въ Москвѣ. Вотъ на другой акварели видъ большого зала въ ея подмосковной, а вотъ ея усадьба подъ Рязанью, гдѣ она провела первые годы послѣ свадьбы. На этомъ письменномъ столѣ, за которымъ она занималась, сидя на этомъ стулѣ, вы видите ея приборъ. Вотъ бронзовая рука, служащая прессомъ—точный слѣпокъ ея красной руки. Вотъ маленькая серебряная ложечка, которою она посыпала пескомъ письма.

А вотъ какія бываютъ странныя совпаденія! Видите вы стоящаго на книжномъ шкафу орла, держащаго на распростертыхъ крыльяхъ своихъ шаръ...

Этотъ орелъ былъ купленъ въ тридцатыхъ годахъ для той же моей бабушки, жившей въ Москвѣ, въ тогдашнемъ англійскомъ магазинѣ. Онъ десятки лѣтъ стоялъ въ Москвѣ, и я помню его еще цѣлымъ. Когда я сталъ взрослымъ, онъ весь почти разсы-

пался, былъ убранъ, и тогда я увезъ его сюда, и восстановилъ въ прежнемъ величій. А черезъ нѣсколько лѣтъ получилъ вотъ этотъ самый портретъ старушки, которая когда-то здѣсь въ Питерѣ его купила. Портретъ пришлось повѣсить на стѣнѣ противъ орла, и такъ они смотрятъ другъ на друга.

У меня здѣсь нѣтъ почти ничего чужого, ничего, что бы не имѣло отношенія къ моей семьѣ...

Вотъ, напримѣръ, эта фарфоровая фигурка дамы стараго Попова, въ робронѣ съ золотымъ жгутомъ и золотыми кружевами, съ вѣромъ въ рукахъ и перомъ на головѣ. У одного моего пріятели въ Москвѣ, я видѣлъ точь въ точь такую же даму, только до талии, и это не былъ подправленный обломокъ, такъ какъ внизу была марка Попова.

Онъ подвелъ меня къ прелестной вещицѣ.

На тумбочкѣ, укрѣпленной на бронзовомъ основаніи съ богатой рѣзкой, стоялъ бронзовый мальчикъ, держащій поднятыми руками широкій обручъ, въ которомъ свободно ходило зеркало.

— Можете себѣ представить мое удивленіе, когда я въ домѣ столь трагически погибшей подъ автомобилемъ графини Медемъ, рожденной Нарышкиной, увидѣлъ совершенно такое же зеркало, съ той единственно разницей, что мальчикъ стоялъ не на ногахъ какъ у меня, а на колѣняхъ.

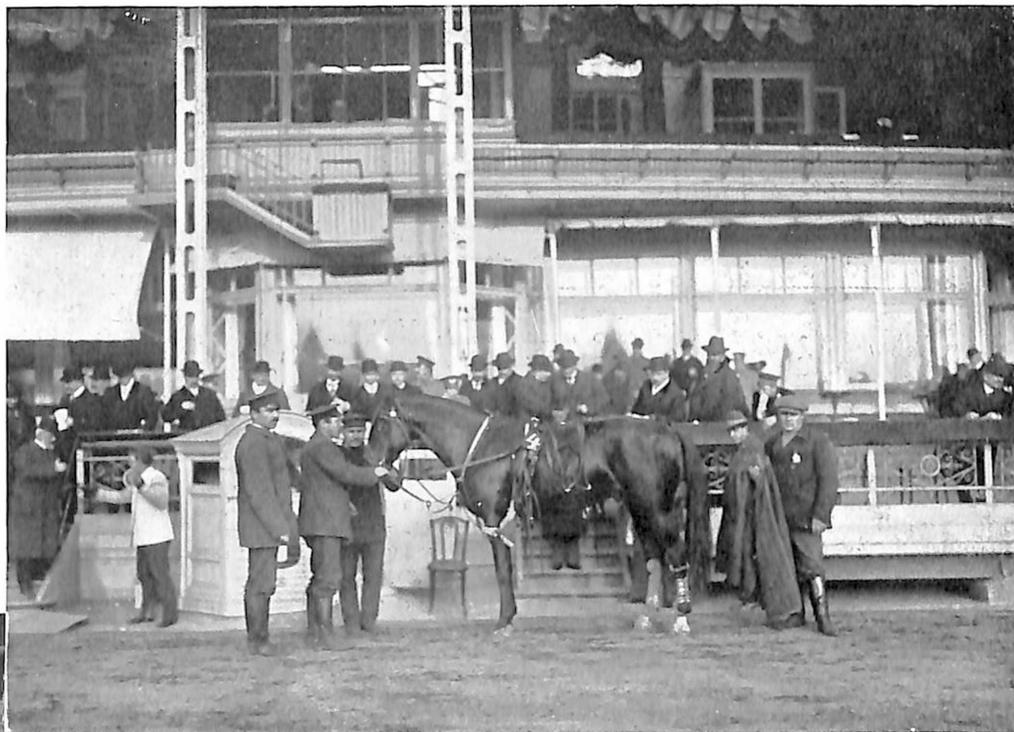
— Вы такъ сжились съ вашими вещами—сказалъ я ему—что, можетъ быть, васъ иногда пугаетъ ихъ жизненность?

— Не пугаетъ, а радуется,—отвѣчалъ онъ.—Если бы мнѣ пришлось потерять всѣхъ близкихъ мнѣ людей, тогда то, что останется отъ нихъ вещественнаго воспоминанія, отчасти мнѣ ихъ замѣнить...

Е. П.

БЪГА ВЪ ПЕТРОГРАДѢ.

„Тальони“
Побѣдитель приза въ честь
почетнаго члена К. Л. Вахгера.
(26 августа 1912 г.).

„Тальони“
Побѣдитель „Продіуса“.
(16 ноября 1914 г.).

Редакторъ-издатель Вл. Крымовъ.

